

103/29)5
06 10
V

Глубоко уважаемому
Владимиру Викторовичу Гусеву

от автора.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Экономическій матеріализмъ и критическая философія.

I.

Въ статьѣ «Свобода и историческая необходимость» *), а также въ своихъ ранѣе вышедшихъ «Критическихъ замѣткахъ» одинъ изъ молодыхъ русскихъ писателей, П. Б. Струве, поднимаетъ еще разъ старый, но вѣчно юный вопросъ—о свободѣ воли. Вопросъ этотъ ставится имъ очень широко, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ—о роли личности въ исторіи и о значеніи въ ней «идей». Кромѣ того, рѣшеніе автора претендуетъ на извѣстную оригинальность. П. Б. Струве пытается обосновать выводы исторической школы, извѣстной подъ именемъ «экономическаго матеріализма», на прочномъ фундаментѣ нѣмецкой «критической философіи».

Излюбленнымъ авторитетомъ, на котораго постоянно ссылается г. Струве, является Алоизъ Риль, авторъ большого труда «Der philosophische Kritizismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft». Въ одномъ мѣстѣ своей книги г. Струве самъ заявляетъ, что философское обоснованіе защищаемыхъ имъ взглядовъ въ «значительной степени опирается на этотъ трудъ Рили».

Цѣль настоящей статьи—показать, напротивъ, что «экономическій матеріализмъ» въ томъ видѣ, какъ исповѣдуетъ его г. Струве, не только не можетъ быть обоснованъ на нѣмецкой критической философіи и въ частности на философіи Рили, но даже стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ нею.

*) „Вопросы философіи и психологіи“, годъ VIII, кн. 36 (1).

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 54454

Сп. уст. 1039
1944

Начнемъ съ вопроса о роли въ исторіи идей. Г-ну Струве нужно доказать, что силами, движущими исторію, въ конечномъ счетѣ являются не идеи, а факторы матеріальные, именно экономическіе. Первая, отрицательная или критическая, часть этого положенія можетъ быть доказана безъ всякаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, «всякій, даже не учившійся въ семинаріи» можетъ теперь весьма свободно и безъ запинки разсуждать приблизительно такъ: идеи людей не есть что-то самодовлѣющее или создающееся изъ ничего; онѣ складываются подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній, идущихъ отъ дѣйствительности; очевидно, стало быть, что прежде объясненія хода исторіи изъ развитія идей нужно объяснить «идеи» изъ хода исторіи. Идеи, сами находясь въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, отъ окружающихъ человѣка обстоятельствъ, очевидно, при изслѣдованіи механизма историческаго процесса не могутъ быть выдвигаемы въ качествѣ послѣдняго принципа объясненія. Наоборотъ, онѣ сами должны быть объясняемы изъ болѣе первоначальныхъ фактовъ.

Но насколько сильна и даже неоспорима эта первая, отрицательная часть тезиса г. Струве, настолько же слаба и несостоятельна его вторая, положительная часть. Своей критикой самъ г. Струве вырылъ могилу своей догматикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, перейдемъ къ фактору экономическому, къ техническому развитію производительныхъ силъ, которыя, по выраженію К. Маркса, главы матеріалистической школы, являются «тѣми дрожжами, которыя приводятъ въ броженіе современное общество». Нѣтъ сомнѣній, что и это техническое развитіе не есть фактъ первичный, не требующій генетическаго объясненія. Напротивъ, оно, въ свою очередь, зависитъ, во-первыхъ, отъ уровня научныхъ знаній, такъ какъ производительныя силы страны есть нечто иное какъ практическое приложеніе теоретическихъ познаній къ борьбѣ съ природой; во-вторыхъ, на техническое развитіе производительныхъ силъ вліяетъ даже тотъ фактъ, насколько соотвѣтствуютъ потребностямъ страны старыя формы производства, неспособныя вмѣстить и утилизировать прогрессъ техники. Примѣры, подтверждающіе это, можно найти у самого родоначальника новой исторической школы, Маркса, въ I-мъ томѣ его «Капитала». Подобно тому, какъ великіе люди, черезчуръ опередившіе свой вѣкъ, иногда умираютъ, совершенно непоняты своими современниками, — такъ безслѣдно пропали и первыя ласточ-

ки великой технической революціи, открывшей капиталистическую эру въ промышленности. Старый социальный порядокъ былъ еще настолько проченъ, что не поддавался преобразующему вліянію новыхъ изобрѣтеній и даже самъ оказалъ сильное задерживающее вліяніе на ростъ производительныхъ силъ (точно такъ же, какъ теперь обостреніе промышленной конкуренціи ускоряетъ этотъ ростъ). Еще въ 1630 г. вновь изобрѣтенная ткацкая машина была запрещена постановленіемъ магистрата въ г. Данцигѣ. Въ 1685 г. подобная же машина была сожжена рукою палача въ Гамбургѣ. Самого изобрѣтателя машины въ Данцигѣ, по приказанію магистрата, утопили, какъ вреднаго для общества злодѣя. Императорскіе эдикты 19 февраля 1685 г. и 9-го февр. 1719 г., къ удовольствію большинства населенія, запретили употребленіе вновь изобрѣтенныхъ машинъ въ предѣлахъ цѣлой Германіи.

Такимъ образомъ, и ростъ производительныхъ силъ страны нельзя считать за *primum movens* историческаго процесса на тѣхъ же точно основаніяхъ, на какихъ нельзя считать за него и развитіе идей. Основными движущими силами исторіи не могутъ быть силы, создающіяся въ самомъ историческомъ процессѣ. Онѣ должны быть, напротивъ, внѣшними для историческаго процесса и независимыми отъ него. Только въ такомъ случаѣ этотъ процессъ можетъ быть всецѣло ихъ произведеніемъ, только въ такомъ случаѣ всѣ историческія перемѣны могутъ быть поняты, какъ ихъ функціи.

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ ростъ техники будетъ явленіемъ производнымъ и вторичнымъ, будетъ производнымъ и вторичнымъ историческимъ явленіемъ и ростъ идей. И въ томъ же смыслѣ, въ какомъ развившіяся производительныя силы являются дрожжами, приводящими въ броженіе установившіяся социальные отношенія,—такими же дрожжами, такими же движущими силами нужно признать идеи. •

Г. Струве, съ этимъ, конечно, не согласится. Онъ въ своемъ міросозерцаніи отводитъ росту идей совершенно исключительное мѣсто по его подчиненному значенію и въ подтвержденіе своихъ взглядовъ ссылается на авторитетъ критической философіи.

Выставивъ положеніе, что «экономическій матеріализмъ *подчиняетъ* (sic) идею факту, сознаніе и долженствованіе—бытію», г. Струве цитируетъ Рилля. «Современный критическій реализмъ

долженъ признать, что жизнь, бытіе предшествуетъ сознанію, которое, въ борьбѣ организмовъ за существованіе, есть то орудіе, посредствомъ котораго они регулируютъ свои отношенія къ мѣняющимся условіямъ среды» (Riehl, II, 2, 161). «Сознаніе, представляя для познающаго субъекта самое близкое, непосредственно данное ему явленіе, какъ бытіе, наоборотъ, есть самое послѣднее и высшее, а потому и *наибольше обусловленное* (am meisten vermittelte) явленіе» (Riehl, ibid.).

Что касается этой цитаты, то на нее можно сдѣлать два замѣчанія: частнаго и общаго характера.

Первое замѣчаніе касается техники перевода. Переводъ г-на Струве болѣе чѣмъ неудаченъ: онъ тенденціозно извращаетъ смыслъ подлинника. Никакой философъ критической школы, конечно, не сталъ бы приписывать идеямъ, сознанію, какую-ту *особенно большую* обусловленность и зависимость отъ внѣшнихъ причинъ. Развѣ можно съ философской точки зрѣнія различать какія-нибудь степени причинной обусловленности явленій? Конечно—нѣтъ, ибо если существуютъ факты, болѣе или менѣе обусловленные, то, значитъ, могутъ существовать факты, очень мало обусловленные и даже, пожалуй, вовсе не обусловленные никакими причинами...

«Am meisten vermittelte» (Erscheinung) означаетъ просто «наибольше *посредствуемое*» явленіе, т.-е. явленіе, отдѣленное отъ начала извѣстной намъ причинной цѣпи міровой эволюціи цѣлымъ рядомъ посредствующихъ звеньевъ *). Какъ видите, Риль въ этомъ мѣстѣ вовсе и не думаетъ, подобно г. Струве, «*подчинять* идеи фактамъ». Неправильный, тенденціозный переводъ г. Струве способенъ только ввести въ заблужденіе читателя, незнакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ. Такой читатель и въ самомъ дѣлѣ можетъ подумать, что сознаніе, идеи — какой-то особенно пассивный, особенно зависимый и подчиненный продуктъ эволюціи въ глазахъ Рилья и др. сторонниковъ философскаго критицизма.

Второе наше замѣчаніе носитъ болѣе общій характеръ. Мы думаемъ, что цитаты изъ какихъ-либо постороннихъ авторовъ могутъ имѣть двойное назначеніе. Во-первыхъ, можно ис-

*) Vermitteln — буквально значитъ быть посредникомъ, посредствовать. Vermittelt — буквально — „опосредствованный“. Этимъ неуклюжимъ терминомъ и передаетъ выраженіе Рилья русскій переводчикъ его труда, г. Е. Коршъ (См. „Теорія науки и метафизика“).

коть въ чужой книгѣ просто хорошей формулировки своей мысли, если пишущій затрудняется самъ придумать подходящія выраженія. Въ этихъ случаяхъ можно смѣло брать цитаты откуда угодно, хотя бы взятая фраза была единственнымъ пунктомъ, въ которомъ пишущій сходится во взглядахъ съ цитируемымъ авторомъ. Во-вторыхъ, можно искать точки опоры для своихъ взглядовъ въ цѣлой теоріи, пользующейся извѣстнымъ авторитетомъ. Въ этомъ случаѣ цитирующій обязанъ добросовѣстно отмѣчать пункты своего разногласія съ цитируемымъ и даже обратить самое серьезное вниманіе на доказательство того, что разногласіе это—плодъ непослѣдовательности цитируемаго, а не цитирующаго. Но уже ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ замалчивать этихъ разногласій и представлять дѣло такъ, какъ будто ихъ совсѣмъ не существуетъ.

Цитаты изъ Риль въ книгѣ г. Струве, очевидно, имѣютъ второго рода назначеніе, и потому мы не колеблемся поставить ему въ серьезный упрекъ, что онѣ подобраны съ крайней односторонностью. Если кто-нибудь по цитатамъ г. Струве станетъ составлять себѣ представленіе о философіи Риль, то это представленіе будетъ абсолютно извращеннымъ и какъ разъ обратнымъ истинѣ.

Въ доказательство изложимъ взгляды Риль сначала на роль сознанія въ механической системѣ міра, потомъ въ исторіи. Во избѣжаніе всякихъ упрековъ въ невѣрной передачѣ будемъ говорить подлинными словами А. Риль.

Во-первыхъ, Риль вовсе не считаетъ причинную обусловленность сознанія препятствіемъ къ его активной роли. «Если, — спрашиваетъ онъ, — психическіе аффекты суть *дѣйствія* реальныхъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ извѣстныхъ фізіологическихъ явленій, — въ какомъ же смыслѣ можно однако смотрѣть на нихъ опять все-таки какъ на причины?» — и отвѣчаетъ: «*Всякое дѣйствіе предшествовавшей причины становится причиной послѣдующаго дѣйствія*» *). Придерживаясь монистическаго воззрѣнія, Риль высказывается противъ односторонняго взгляда матеріалистовъ, будто сознаніе—пассивный продуктъ фізіологическихъ процессовъ и потому, съ научной точки зрѣнія,

*) «Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма», пер. Корша, стр. 235.

совершенно несущественно для причиннаго изслѣдованія. «Согласитесь вы, что центральная иннервация есть причина движенія руки,—тогда вы согласились уже и съ тѣмъ, что тождественный съ этой иннервацией импульсъ воли есть *винословный моментъ* этого движенія, т.-е. входитъ въ совокупность его причинъ» (ibid. стр. 235). «Представленіе и воля *существенно* участвуютъ въ процессѣ, который внѣшнимъ чувствамъ предстаетъ въ качествѣ движенія» (ibid. стр. 216). «Сознаніе—не только продуктъ, но и *существенный факторъ* прогрессивнаго развитія въ животной природѣ» (ibid. стр. 211).

Г. Струве показываетъ читателямъ только одну сторону философіи Рия. Мы раскрываемъ другую сторону... Еще болѣе яркія мѣста можно привести изъ конца книги нѣмецкаго философа. «Исторія,—говоритъ онъ,—*подвластна идеямъ*, т.-е. направленіямъ чувства и формамъ вѣры, причемъ подъ вѣрою слѣдуетъ разумѣть не одну религіозную, но также и политическую, социальную, этическую вѣру. Надобно знать эти идеи, *опредѣляющія ходъ историческихъ событій*, если хочешь понимать самыя событія» (ibid. стр. 424). Нѣтъ сомнѣнія, что человекъ, незнакомый съ общимъ духомъ философіи Рия, благодаря этой цитатѣ, могъ бы даже принять его за одного изъ тѣхъ, кто считаетъ идеи за *primum agens* социального развитія. Такъ рѣшительно отгѣнено въ этомъ мѣстѣ активное вліяніе идей...

Приведенныя мѣста рисуютъ Рия совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ это выходило по тенденціознымъ цитатамъ г. Струве. И неудивительно. Общій духъ критической философіи таковъ, что основать на ней узкую теорію г. Струве слишкомъ трудно.

Постараемся нѣсколько развить тѣ общеполитическія основанія, на которыхъ основываются убѣжденіе въ активной роли идей и протестъ противъ низведенія ихъ на степень простыхъ «симптомовъ» измѣненій, подготовляющихся въ нѣдрахъ общества. Изложимъ наши основанія возможно болѣе ясно и просто, такъ какъ, еще по словамъ Бокля, даже самыя сложныя философскія истины могутъ быть изложены всегда весьма просто и понятно: для этого достаточно лишь того, чтобы самъ пишущій имѣлъ вполне ясное, незапутанное представленіе о тѣхъ истинахъ, которыя желаетъ изложить.

Экономическіе матеріалисты говорятъ: «идеи—не опредѣляющее, а опредѣляемое». У Рия же мы нашли положеніе, которое можно

противопоставить положенію экономическихъ матеріалистовъ: «всякое дѣйствіе предшествующей причины становится причиной послѣдующаго дѣйствія». Въ самомъ дѣлѣ, если въ причинной цѣпи фактовъ мы остановимъ свое вниманіе на какомъ-нибудь одномъ ея звенѣ, то его мы можемъ разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, мы можемъ обратить свое вниманіе на его отношеніе къ предшествующимъ звеньямъ причинной цѣпи; тогда разсматриваемый фактъ будетъ для насъ всецѣло пассивнымъ продуктомъ, произведеніемъ предшествующихъ причинъ; онъ такъ же всецѣло опредѣляется ими, какъ арифметическое произведение—величинами множимаго и множителя. Во-вторыхъ, эту правильную, но одностороннюю точку зрѣнія мы можемъ дополнить другой. Тотъ же самый фактъ, который ранѣе мы разсматривали по отношенію къ предшествующимъ звеньямъ причинной цѣпи,—теперь, наоборотъ, мы можемъ разсматривать по отношенію къ послѣдующимъ звеньямъ. Тогда онъ тотчасъ же приметъ для насъ другой, противоположный первому видъ. Ранѣе онъ фигурировалъ передъ нами исключительно какъ результатъ, какъ пассивный продуктъ; теперь—какъ опредѣляющая сила, какъ факторъ, какъ дѣятель. Онъ повертывается къ намъ столь же исключительно своей активной стороною, какъ раньше—пассивной. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ важной философской теоремой объ относительности понятій *причины* и *слѣдствія*.

«Въ понятіи причинности, — говоритъ одинъ изъ талантливейшихъ представителей философскаго критицизма, Фр. Альб. Ланге, —необыкновенно важно, по своимъ послѣдствіямъ, устранить одно изъ побочныхъ антропоморфическихъ представленій: то, которое придаетъ причинѣ (Ursache), какъ активному, производящему элементу, болшую цѣну и значеніе, чѣмъ слѣдствію» («Исторія матеріализма», т. II, стр. 55 русск. пер.).

Именно отъ этого «побочнаго антропоморфическаго представленія» и не избавился г. Струве. Увидавъ, что философскій критицизмъ признаетъ *сознаніе* явленіемъ наиболѣе опосредствованнымъ, онъ рѣшилъ, что на это положеніе смѣло могутъ опереться всѣ, кто за сознаніемъ признаетъ лишь подчиненное, симптоматическое значеніе. Обусловленность для него уже *подчиненіе*, *пассивность*; слѣдствію онъ приписываетъ меньшее значеніе, меньшую существенность, чѣмъ причинѣ. Очевидно, г. Струве недостаточно проникся духомъ философскаго критицизма и, въ

частности, недостаточно знакомъ съ его анализомъ идеи причинности. Примѣры этого мы, впрочемъ, увидимъ и дальше.

Такъ какъ г. Струве—экономическій матеріалистъ, то мы съ особеннымъ удовольствіемъ сошлемся въ интересующемъ насъ вопросѣ на такой авторитетъ, который для него долженъ имѣть особенное значеніе, именно на авторитетъ Фр. Энгельса. Этотъ послѣдній въ своей книгѣ о Фейербахѣ говоритъ, что только «для метафизика» *) причина и слѣдствіе находятся между собою въ полной противоположности. На первый взглядъ подобный способъ разсужденія является вполне основательнымъ: это есть такъ называемый способъ сужденія здраваго разсудка. Этотъ здравый разсудокъ является весьма почтеннымъ товарищемъ до тѣхъ поръ, пока онъ ограничивается соотвѣтственнымъ ему угломъ. Но лишь только онъ рѣшается выплыть въ открытое море, какъ его встрѣчаютъ самыя разнообразныя приключенія... Понятія причины и слѣдствія имѣютъ значеніе лишь въ примѣненіи ихъ къ отдѣльнымъ фактамъ; но лишь только мы станемъ изслѣдовать эти факты въ ихъ общей связи съ остальнымъ міромъ, то причина и слѣдствіе сольются тогда во всеобщей связи, въ которой причина и слѣдствіе мѣняють свои мѣста: то, что раньше было причиной, въ свою очередь является слѣдствіемъ, и наоборотъ».

Вотъ страница, написанная вполне въ духѣ философскаго критицизма; но именно поэтому она и не вполне вяжется со всею остальною теоріей той школы, къ которой принадлежитъ г. Струве. «Понятія причины и слѣдствія имѣютъ значеніе лишь въ примѣненіи къ отдѣльнымъ фактамъ»; отсюда видно, что во многихъ частныхъ случаяхъ можно сводить идеи на матеріальныя условія, среди которыхъ онѣ выросли, но для всего историческаго процесса закрѣпить за идеями вторичное, а за матеріальными отношеніями первичное значеніе — ненаучно, нефилософски. «Во всеобщей связи причина и слѣдствіе сливаются»; отсюда видно, что задача социологіи—выясненіе законовъ, управляющихъ совмѣстнымъ и одновременнымъ развитіемъ всѣхъ сторонъ единаго процесса социальной жизни, а не сведеніе на одну изъ этихъ сторонъ всѣхъ другихъ.

*) Извѣстно, что для Энгельса слово «метафизикъ» равносильно слову «лже-философъ».

Пусть, съ точки зрѣнія біологіи, сознание есть нечто иное какъ простое орудіе въ борьбѣ за существованіе, выработавшееся въ силу матеріальной необходимости. Но для человѣка и его исторіи сознание—нѣчто большее, чѣмъ орудіе: это—сила. Тотъ же самый Риль, который съ біологической точки зрѣнія опредѣляетъ сознание какъ простой механизмъ, регулирующий отношенія человѣка къ мѣняющимся условіямъ среды,—безъ всякаго сомнѣнія скажетъ, что «исторія подвластна идеямъ». И такъ скажетъ не онъ одинъ, но и любой представитель критической философіи. Приведемъ для примѣра хотя бы Ф. Паульсена. Цитируя слова Гегеля, что идеи суть движущія силы исторіи, онъ вполне съ нимъ соглашается на томъ основаніи, что «идеи о томъ, что должно наступить, составляютъ движущія силы въ стремленіяхъ и чувствахъ людей» («Введеніе въ философію», стр. 328 русск. пер.). Если для г. Струве эти авторитеты недостаточны, то мы обратимся къ тому самому мыслителю, котораго онъ считаетъ своимъ учителемъ, К. Марксу. Въ его «Капиталѣ» мы, между прочимъ, читаемъ: «По отношенію къ другимъ предметамъ внѣшняго міра, человѣкъ, выступая самъ, какъ сила природы, не только обуславливаетъ своею дѣятельностью нѣкоторое измѣненіе», но и «осуществляетъ *свою цѣль*, которая съ *принудительною силою закона* опредѣляетъ способъ его дѣятельности и которой онъ долженъ непрерывно подчинять свою волю».

Въ нашу задачу вовсе не входитъ изслѣдовать размѣры и условія активной роли идей въ исторіи. Но приступите къ изложенію какихъ угодно историческихъ событій, и вы волей-неволей будете принуждены относиться къ сознанию и сознательности не только какъ къ симптомамъ историческихъ перемѣнъ, но и какъ къ силамъ, отъ которыхъ самый ходъ и характеръ этихъ перемѣнъ находятся въ зависимости. Такъ, въ предисловіи къ тому же первому тому «Капитала» г. Струве можетъ найти слѣдующее мѣсто: «Процессъ преобразования (соціальныхъ отношеній) очевиденъ до крайности. Въ какихъ формахъ отразится онъ на континентѣ — это *вполнѣ зависитъ отъ степени сознательности самихъ работниковъ*».

Если теорія «экономическаго матеріализма» желаетъ вытѣснить другія соціологическія теоріи и захватить ихъ позиціи, то она прежде всего должна отрѣшиться отъ взгляда на идеи исключительно какъ на симптомы событій, взгляда, повергающаго ее

въ бездну внутреннихъ противорѣчій. Затѣмъ она должна искать источниковъ историческихъ перемѣнъ не въ какой-нибудь одной сторонѣ процесса социальнаго развитія, а въ общемъ взаимодействіи потребностей людей (факторъ субъективный) и внѣшнихъ условій ихъ удовлетворенія (факторъ объективный).

Пишущій эти строки, будучи горячимъ и искреннимъ почитателемъ Маркса, долженъ однако признать, что со времени смерти послѣдняго развитіе той социологической теоріи, элементы которой даны въ его сочиненіяхъ, не подвинулось ни на шагъ. Особенно же у насъ въ Россіи тѣ люди, которые настойчиво претендуютъ на званіе его послѣдователей, въ литературѣ и наукѣ не дали намъ ничего, кромѣ ярой полемики *ad maiorem magistri gloriam*. Съ опрометчивостью и усердіемъ неофитовъ они только старались повергнуть къ ногамъ учителя всѣ литературныя и научныя репутаціи. Поклоненіе неофитовъ — это смоковница, обреченная на безплодіе. Они бесильно топчутся около нѣсколькихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Маркса, гласящихъ, что экономическое развитіе общества есть фундаментъ, а умственное — надстройка. Фигуральное выраженіе, простое картинное уподобленіе, брошенное имъ вскользь, мимоходомъ, и допускающее неограниченное количество толкованій, возводится услужливыми поклонниками въ рангъ социологической теоремы. По-истинѣ, этимъ дѣлается ему слишкомъ «много чести и вмѣстѣ съ тѣмъ безчестія». Пора вспомнить, что «образныя выраженія вообще, какова бы ни была ихъ цѣнность въ поэзіи и въ риторикѣ, не могутъ быть безопасно употребляемы въ наукѣ и философіи» (Г. Спенсеръ, «Недостаточность естеств. подбора», стр. 13). Не будучи пророкомъ, я беру на себя однако смѣлость предсказать, что социологическое направленіе, ведущее свою генеалогію отъ Маркса, до тѣхъ поръ не сдвинется съ мѣста, пока совершенно не отброситъ въ сторону этой соблазнительно-простой и ясной формулы объ историческомъ фундаментѣ и надстройкахъ, формулы, которая для многихъ является суррогатомъ истиннаго углубленія въ механизмъ историческаго процесса.

Понятіе «надстройки» весьма растяжимо и допускаетъ тысячи различныхъ толкованій. Возьмемъ для примѣра какую-нибудь научную теорію, наприм., теорію Дарвина. Она, конечно, не могла появиться на свѣтъ въ любое время, наприм., лѣтъ на двѣсти раньше времени своего дѣйствительнаго появленія. Прежде

всего, въ то время еще не было достаточнаго количества фактовъ для тѣхъ выводовъ, которые сдѣлалъ Дарвинъ. Поэтому безъ затрудненій можно сказать, что появленіе научныхъ теорій находится въ зависимости отъ накопленія фактовъ, что теоріи суть лишь надстройки надъ фактами. Но развѣ я тѣмъ самымъ ужъ исключаю всякую возможность воздѣйствія научныхъ теорій на процессъ накопленія фактическаго матеріала? Вовсе нѣтъ. Я прекрасно знаю, что самое накопленіе фактовъ приняло другое направленіе съ появленіемъ теоріи Дарвина.

На этомъ можно бы и кончить относительно роли идей въ исторіи. Но сначала отвѣтимъ на одно возраженіе, которое часто дѣлается защитниками г. Струве. «Правда,—говоритъ оно,—г. Струве увлекается, хватаетъ черезъ край. Но вѣдь для того, чтобы выпрямить искривленную палку, волей-неволей приходится перегибать ее въ противоположную сторону. Наши «субъективные социологи» говорятъ только объ активной роли идей; естественно, что у г. Струве мы встрѣчаемъ противоположную исключительность:—онъ подчеркиваетъ только ихъ зависимый, пассивный, производный характеръ».

Какъ бы мы ни смотрѣли на русскихъ «субъективныхъ социологовъ», однако приписывать имъ непониманіе причинной зависимости идей отъ внѣшнихъ условій уже черезчуръ странно. Достаточно привести хоть одну цитату изъ того писателя, котораго единомышленникъ г-на Струве, Н. Бельтовъ, насмѣшливо называетъ «ангеломъ субъективной школы». Въ 70-хъ еще годахъ послѣдній писалъ: «Что явленія умственной жизни тѣсно связаны съ фактами общественныхъ отношеній, — это никѣмъ, кажется, не отрицается. Но обыкновенно эту связь представляютъ себѣ такъ, что извѣстныя вѣрованія, успѣхи философіи, науки, литературы производятъ давленіе на общественную жизнь. На самомъ же дѣлѣ это давленіе ничтожно сравнительно съ тѣмъ толчкомъ, который дается умственной жизни формами общежитія» (Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. V, стр. 328).

II.

Приходимъ теперь къ вопросу о свободѣ и необходимости въ исторіи.

По нашему мнѣнію, центральное слабое мѣсто всей социальной

философіи г. Струве заключается въ томъ, что онъ неправильно уяснилъ себѣ философскій смыслъ *закономѣрности* и *причинности*. Этотъ именно недостатокъ помѣшалъ ему оцѣнить какъ слѣдуетъ роль идей въ исторіи, и этотъ же недостатокъ мѣшаетъ ему въ рѣшеніи вопроса о роли личности въ исторіи.

Г. Струве совершенно не представляетъ себѣ, какъ можно говорить о роли личности, если исторія управляется законами. Признавая *закономѣрность*, онъ тѣмъ самымъ предрѣшаетъ вопросъ о подчиненности личнаго начала. Впрочемъ, надо сказать, что въ этомъ пунктѣ взгляды г. Струве представляются не достаточно ясными. Съ одной стороны, онъ оговаривается, что «детерминизмъ не есть еще фатализмъ», а съ другой—говоритъ, что «соціологія игнорируетъ личность, какъ соціологически-ничтожную величину», что личность въ механизмѣ историческаго процесса «не при чемъ», что она «quantité négligeable», что къ ней можно примѣнить слова Мефистофеля: «du glaubst zu schieben, und du wirst geschoben». Г. Струве далѣе дѣлаетъ смѣлое противоположеніе: «личность творитъ исторію, говорятъ народники; то міросозерцаніе, которое развивалось нами выше, утверждаетъ противное» *), т.-е. исторія творитъ человѣка.

Этотъ взглядъ, по которому «исторія» превращается во что-то внѣшнее для человѣка и господствующее надъ нимъ, напоминаетъ нѣсколько старый фатализмъ Дрэпера, который также говорилъ, что «не люди движутъ событіями, а событія людьми»... Къ этому Дрэперъ еще прибавлялъ, что «исторія убѣждаетъ насъ въ непреодолимомъ господствѣ закона и въ ничтожествѣ человѣческихъ усилій».

А. Риль всѣми силами борется противъ такого взгляда. «Какъ можетъ человѣку казаться чуждымъ, насланнымъ внѣшней судьбой такой порядокъ, котораго часть онъ составляетъ всѣмъ своимъ существомъ?»—спрашиваетъ онъ (Риль, стр. 288). «Къ тому порядку вещей, который предопредѣленъ и на *закономѣрность* котораго должно смотрѣть какъ на выраженіе коренныхъ свойствъ и соотношеній вещей между собою, принадлежитъ вѣдь и человѣкъ съ его разумомъ и волею, и при предразсчитанности всякаго будущаго измѣненія разсчитано также на человѣка и на его разумное дѣйствованіе» (Риль, *ibid.*). «Законы

*) Струве: „Крит. зам.“, стр. 285.

природы даны ему не извнѣ, наложены не со стороны; онъ самъ— воплощеніе естественной законѣрности на высшей ступени достигнутой до сихъ поръ развитіемъ на этой планетѣ» (Риль стр. 289 рус. пер.)

Только принимая этотъ взглядъ, можно избѣжать извращенія детерминизма въ фатализмъ. А г. Струве, какъ убѣдится читатель изъ нижеслѣдующаго, съ этимъ взглядомъ согласиться не можетъ. Иначе въ свой статьѣ «Свобода воли и историческая необходимость» онъ не сталъ бы полемизировать противъ С. Н. Булгакова.

Изложимъ здѣсь этотъ полемическій эпизодъ. Нѣмецкій ученый Штамлеръ, упрекая экономическій матеріализмъ въ фаталистической окраскѣ, говоритъ, что логически несообразно выкидывать его въ качествѣ партійнаго знамени. «Нельзя основать партію, которая хотѣла бы сознательно содѣйствовать точно вычисленному лунному затмѣнію». Считаясь съ этимъ упрекомъ, одинъ изъ русскихъ сторонниковъ экономического матеріализма (считающій однако необходимымъ его реформу при свѣтѣ философскаго критицизма), упомянутый выше г. Булгаковъ, высказываетъ нѣсколько мыслей совершенно въ духѣ Рилия. «Не можетъ быть болѣе неудачнаго примѣра,—говоритъ онъ—какъ сопоставленіе законѣрности человѣческихъ дѣйствій съ законѣрностью движенія луны. Законъ затмѣнія луны есть нѣчто внѣшнее, чуждое, постороннее, къ чему человѣческое сознаніе должно относиться какъ къ объекту; между тѣмъ наше собственное я есть субъектъ, который въ своемъ непосредственномъ сознаніи полагаетъ самъ себя какъ первопричину, активно вмѣшивающуюся во внѣшній міръ». Съ этимъ г. Струве не согласенъ; по его мнѣнію, это значитъ, «прогнавъ свободу съ передняго крыльца, самымъ любезнымъ образомъ открыть ей черный ходъ: операція отнюдь не философская». Это замѣчаніе, направленное противъ г. Булгакова, косвенно относится и къ Рилию.

Впрочемъ, у насъ есть болѣе прямое доказательство разногласія въ этомъ пунктѣ съ Рилемъ у г. Струве. Послѣдній, продолжая возражать г. Булгакову, находитъ, что примѣръ Штамлера, напротивъ, чрезвычайно удаченъ, ибо «отождествленіе законѣрности внѣшней (физической) съ внутреннею (психической) есть величайшее торжество теоретическаго разума». Обращаемся къ Рилию. Тотъ, приведя утвержденіе Канта, что сво-

бодѣ личности совершенно незащитима, такъ какъ «человѣческія дѣйствія такъ же точно опредѣлены общими естественными законами, какъ и всякое другое событіе»,—находитъ выраженія Канта «слишкомъ крутыми». «Тутъ,—продолжаетъ онъ,—специфическіе законы воли, въ особенности тѣ, которые должны выводиться для нея изъ общественнаго порядка, просто смѣшиваются съ общими естественными законами, изъ которыхъ они происходятъ только уже сильно опосредствованнымъ путемъ» (Риль, стр. 258). Далѣе, съ этой точки зрѣнія Риль критикуетъ «всеобщій естественный законъ развитія» Спенсера, изъ котораго какъ будто выходитъ, что общество должно развиваться независимо отъ желаній людей, и еще разъ повторяетъ: «однако же чисто-естественное и нравственное составляютъ вовсе не такой сплошной рядъ, чтобы законы перваго можно было безъ дальнихъ справокъ переносить на явленія втораго» (Риль, стр. 136).

Продолжимъ еще наши цитаты, чтобы яснѣе и понятнѣе раскрыть сущность философской теоріи законѣрности по Риллю.

«Что вновь всегда ведетъ къ смѣшенію детерминизма съ фатализмомъ,—чрезвычайно мѣтко замѣчаетъ Риль,—это извѣстный, очень распространенный взглядъ на естественную законѣрность, который можно назвать *ипостазированной* или *объективированіемъ* законовъ природы. При нашихъ объясненіяхъ естественныхъ процессовъ мы предпосылаемъ фактамъ—законы, которымъ эти факты подчиняются и которые (законы) выведены изъ тѣхъ же самыхъ фактовъ, какъ заключенія. Въ этомъ приѣмѣ лежитъ источникъ нѣкотораго рода иллюзіи, при которой намъ кажется, что законы и дѣйствительно предшествуютъ законѣрно совершающимся событіямъ, что они обладаютъ какой-то самостоятельностью, какимъ-то первенствомъ передъ фактами» (Риль, стр. 292). «Законы процессовъ отдѣляемъ мы отъ самыхъ процессовъ, и вмѣсто того, чтобы видѣть въ первыхъ только выраженіе постоянства свойствъ вещей и вслѣдствіе того — *единообразія ихъ проявленія при одинаковыхъ условіяхъ*, мы представляемъ себѣ, что законы даютъ вещамъ предписанія и вынуждаютъ весь ходъ явленій держаться опредѣленныхъ путей» (ibid., 292—293).

Собственно говоря, положенія эти не новы. Риль только своеобразно и очень умѣло примѣняетъ ихъ къ вопросу о детерминизмѣ и свободѣ воли. Но уже позитивисты Контъ, Льюисъ,

Милль — прекрасно охарактеризовали иллюзіи, вытекающія изъ неправильнаго пониманія законмѣрности природы и въ частности—законмѣрности воли.

Возьмемъ Льюиса. Въ его «Вопросахъ о жизни и духѣ» *) мы находимъ слѣдующія мѣста: «мы знаемъ, что законамъ не только первоначально приписывали объективное существованіе въ явленіяхъ, но и объективное существованіе независимо отъ явленій; и это древнее заблужденіе до сихъ поръ еще сохраняетъ свою силу. Вслѣдствіе одной изъ тѣхъ иллюзій, въ которую легко впадаетъ философія, предполагаютъ, что законъ природы занимаетъ въ отношеніи къ объектамъ положеніе, аналогичное съ положеніемъ законодательнаго акта къ общественной жизни. Законы составляютъ родъ мудрой правительственной системы, которая держитъ природу въ порядкѣ...» («Знаніе» 1874 года, № 10). «Законы природы не суть объективныя существа, а субъективныя отвлеченія,—формулы, въ которыхъ разнообразныя явленія сводятся къ единству и теряютъ свое разнообразіе...» Законъ природы «есть не дѣятель, отдѣльный отъ явленій, не сила, опредѣляющая ихъ, а просто идеальное суммирование ихъ положеній» (ibid.).

Законы занимаютъ такое же положеніе по отношенію къ *процессамъ* измѣненій, происходящихъ въ природѣ, въ какомъ находятся относительно *предметовъ, объектовъ* природы,—родовыя понятія. Когда мы составляемъ общее родовое понятіе, мы сравниваемъ различные сходные экземпляры предметовъ, соединяемъ ихъ въ одну общую группу, отвлекаемся отъ ихъ разнообразія и мыслимъ только общія для нихъ черты. Когда мы составляемъ себѣ понятіе объ извѣстномъ законѣ природы, мы точно такъ же сравниваемъ между собою сходные процессы измѣненій и стараемся мысленно схватить общія черты, общія свойства этихъ процессовъ. Такъ, отвлекаясь отъ различій въ паденіи тѣлъ, мы подмѣчаемъ обратную пропорціональность силы тяготѣнія квадратамъ разстоянія. И вотъ мы имѣемъ общую формулу или законъ тяготѣнія. Содержаніе всякаго закона состоитъ въ общихъ постоянныхъ свойствахъ однородныхъ процессовъ. Законмѣрность, такимъ образомъ, вовсе не равняется «подначальности» явленія,

*) Не имѣя въ настоящую минуту подъ руками этой книги, цитирую по статьѣ его „Предѣлы знанія“, составляющей отрывокъ изъ нея.

чему-то внѣшнему; нѣтъ, это просто свойство самого явленія, такъ сказать, *его* законная собственность. Закономѣрность есть лишь постоянство свойствъ вещи и проистекающее отсюда единообразіе ихъ проявленія при одинаковыхъ условіяхъ, разнообразіе ихъ проявленія—при неодинаковыхъ. «Законы» столь же «управляютъ» тѣми явленіями, къ которымъ относятся, какъ и флюгеръ «управляетъ» вѣтромъ, движенія котораго онъ призванъ показывать.

Отсюда ясно, почему закономѣрность историческихъ явленій и закономѣрность процессовъ природы для насъ не одно и то же, хотя и тѣ, и другія явленія «принадлежатъ къ одному и тому же каузальному строю вещей». Закономѣрность природы есть чуждая намъ закономѣрность; мы можемъ считаться съ ней, какъ съ внѣшней для насъ силой; но закономѣрность исторіи есть прежде всего и ближе всего закономѣрность нашихъ чувствъ, нашего ума, нашей воли; это закономѣрность жизнедѣятельности нашего собственнаго существа. Выясните людямъ только эту простую истину, и тотъ фактъ, что исторія совершается законосообразно, не возмутитъ болѣе ихъ нравственнаго чувства, не столкнется враждебно съ ихъ сознаніемъ собственной нравственной свободы. Но если вы, только абстрагируя и абстрагируя, будете подводить все къ одному знаменателю и непосредственно подчинять исторію человѣчества общимъ міровымъ силамъ съ ихъ внѣшними для людей законами; если вы систематически будете обходить тѣ промежуточные звенья, которыми общіе, всеобъемлющіе законы природы комбинируются и преобразуются въ своеобразную закономѣрность жизнедѣятельности человѣка,—вы сдѣлаете несомнѣнную философскую ошибку: ошибку, во-первыхъ, потому, что дѣлаете скачокъ отъ самаго общаго къ частному и превращаете въ сплошной рядъ физическое и нравственное—два крайнихъ звена длинной цѣпи; во-вторыхъ, вы дѣлаете ошибку Аристотеля, утверждавшаго, что цѣлое первѣе части и общее первѣе частнаго. На самомъ дѣлѣ мы здѣсь имѣемъ дѣло съ антиноміей и не ошибемся, если вашему тезису противопоставимъ обратный тезисъ: частное первѣе общаго. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ конкретнѣе законъ, тѣмъ въ болѣе непосредственной связи находится онъ съ фактами, тѣмъ онъ «дѣйствителѣе», а чѣмъ общѣе законъ, тѣмъ онъ абстрактнѣе, отвлеченнѣе, *производнѣе*. Разъ вы станете на эту точку зрѣнія,

то ни общая закономерность природы, ни болѣе конкретная закономерность историческаго процесса не содержать еще сама по себѣ ни грана подчиненія, зависимости, фатализма для человѣческой личности...

Вина фаталиста въ томъ, что процессъ исторіи, подкладкой котораго является процессъ психической жизнедѣятельности человечества, онъ разрываетъ и дуализируетъ. Онъ разъединяетъ людей и событія, волю и закономерность; онъ даже противопоставляетъ ихъ другъ другу. «Фаталистъ,—справедливо замѣчаетъ Риль,—отрѣшаетъ волю отъ природы; онъ думаетъ, что порядокъ въ чредѣ событій выполнялся бы безъ его воли точно такъ же, какъ выполняется съ нею. Онъ стоитъ на томъ, что для него и для его воли порядокъ этотъ такъ же самъ по себѣ внѣшенъ, какъ еслибъ онъ самъ съ своей волей вовсе къ нему и не принадлежалъ. Фаталистъ мыслить въ сущности такъ же дуалистично, какъ и индетерминистъ. Подобно этому, онъ отрѣшаетъ свою волю отъ естественнаго, закономернаго порядка вещей; разница только въ томъ, что волю свою онъ покорно подчиняетъ этому порядку, тогда какъ индетерминистъ хотѣлъ бы изъять, освободить ее изъ-подъ него совсѣмъ. Противъ обоихъ мнѣній обращается детерминизмъ съ тѣмъ ученіемъ, что у воли *есть причины, но есть также и слѣдствія*, что она составляетъ часть, и притомъ *существенную* часть всеобщей винословной (причинной) связи вещей» (Риль, *ibid.*, стр. 291).

Такъ разрѣшается съ точки зрѣнія критической философіи вопросъ о роли личности въ исторіи *) (понимая подъ словомъ «личность» общественный атомъ, человѣка, какъ представителя рода). Но вѣдь точно такъ же рѣшали этотъ вопросъ и наши «субъективные социологи».

У Н. К. Михайловскаго мы читаемъ: «Огромное большинство людей вѣрять въ исключительное положеніе человѣка въ природѣ, въ то, что для него писаны совершенно особые законы и не писаны законы, дѣйствующіе въ остальной природѣ. Значительное большинство людей науки и образованныхъ людей вообще давно уже эмансипировалось отъ этого дуализма. Но при этомъ произошло маленькое недоразумѣніе... Ученіе, включающее человѣ-

*) Тотъ же вопросъ (вѣчно юный, хотя и древній, какъ міръ) о свободѣ воли, только перенесенный на болѣе реальную, конкретную почву.

ка въ великую міровую цѣпь причинъ и слѣдствій, способствовало разсѣянію надменныхъ предразсудковъ относительно мѣста человѣка въ природѣ; но, односторонне проведенное, оно можетъ повлечь—и иногда дѣйствительно влечетъ за собой—многія печальныя послѣдствія. Превращая человѣка въ пассивный механизмъ, односторонность эта можетъ способствовать оправданію всякой гнусности и пошлости, историческому фатализму, ослабленію чувства отвѣтственности, ослабленію энергіи дѣятельности и личной инициативы *). «Часто говорятъ о естественномъ ходѣ вещей, какъ регуляторѣ человѣческихъ дѣлъ». Однако при этомъ «единственный смыслъ, который можетъ быть приданъ выраженію «естественный ходъ вещей», состоитъ въ невмѣшательствѣ человѣка. Дано извѣстное сочетаніе силъ; если мы не будемъ вмѣшиваться въ дальнѣйшее развитіе этой комбинаціи, то это и будетъ естественный ходъ вещей. Но въ такомъ случаѣ надо признать, что естественный ходъ вещей существуетъ только тогда и тамъ, когда и гдѣ нѣтъ человѣка. Но это толкованіе ведетъ къ дуализму,—тому же самому дуализму, который желаютъ изгнать сторонники естественнаго хода вещей **). Зачѣмъ изгонять человѣка изъ области естества—и куда? «Разумъ, воля и чувство человѣка, стремяшіеся стать верховными активными дѣятелями природы, подобно всѣмъ другимъ сложнымъ факторамъ, представляютъ собою просто извѣстное сочетаніе основныхъ силъ природы. Человѣкъ приносить съ собою въ міръ новую силу, которая, какъ и всѣ другія сложныя силы, представляетъ извѣстное сочетаніе основныхъ силъ природы, и, подобно другимъ силамъ, стремится охватить всю природу» ***). А такъ какъ въ этой борьбѣ человѣчество шествуетъ побѣдоносно, то исторія имѣетъ тенденцію становиться все болѣе и болѣе исторіей торжества «идеаловъ человѣчества» надъ «естественнымъ ходомъ вещей».

Вотъ что говорятъ субъективные соціологи словами: «личность творитъ исторію». Въ этомъ нѣтъ ничего такого, противъ чего слѣдовало бы спорить. Подобно этому и Каутскій выразился однажды, что «человѣкъ — не безсильная кукла». Но г. Струве

*) Н. К. Михайловскій, новое собраніе сочиненій, т. I, стр. 322 и 385.

**) Ibid. стр. 329—330.

***) Ibid. 330—331.

настолько враждебно настроенъ противъ соціологовъ этической школы, что навлекаетъ на себя обвиненіе въ фатализмѣ, заявивъ, что его міросозерцаніе въ этомъ пунктѣ какъ разъ противоположно теории субъективистовъ.

И, однако, и г. Струве не фаталистъ. У него же мы читаемъ: «Въ томъ указаніи, что люди сознательно преслѣдуютъ извѣстныя цѣли, что въ силу этого они не могутъ на практикѣ смотрѣть на себя иначе, какъ на дѣятелей прогресса, что такимъ образомъ извѣстная доктрина *laissez faire, laissez passer*, съ которой въ лицѣ Спенсера сражается Уордъ, не имѣетъ подѣ собой никакой теоретической почвы,—во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго. Въ «*Misère de la philosophie*» мы читаемъ, что опредѣленные соціальныя условія являются такими же продуктами людей, какъ сукно, полотно и т. п.». Въ чемъ же дѣло? Да просто въ томъ, что г. Струве не достаточно понялъ анализъ законмѣрности и причинности, которыя для него тѣсно ассоціировались съ понятіемъ стихійности, безсознательности, мертваго механизма... Это особенно ясно изъ одного мѣста его книги. На стр. 285 «Критическихъ замѣтокъ» мы читаемъ: «Процессъ экономическаго развитія представляетъ собой коллективное творчество, въ конечномъ счетѣ носящее *такой же стихійный, а потому и законмѣрный характеръ*, какъ и всѣ другія измѣненія въ окружающемъ насъ мірѣ».

Поставить законмѣрность явленій въ зависимость отъ стихійнаго ихъ характера значитъ мыслить дуалистично, отрѣшая волю отъ естественнаго хода вещей, считая сознательное, мотивированное, свободное дѣяніе чуждымъ и противорѣчащимъ законмѣрности. Это метафизическое въ худшемъ смыслѣ слова воззрѣніе у г. Струве тѣсно связывается съ отождествленіемъ законмѣрности физической, внѣшней, съ законмѣрностью психической, внутренней, противъ котораго раньше мы спорили. Это отождествленіе и заставляетъ г. Струве видѣть въ историческомъ процесѣ такой же мертвый механизмъ, какъ и въ процессахъ физической природы.

Одинъ изъ философскихъ единомышленниковъ нашего автора, г. Бельтовъ, дѣлаетъ совершенно справедливое замѣчаніе, что, «когда русскіе соціологи ополчаются на защиту *личности, идеаловъ* и прочихъ хорошихъ вещей, они воюютъ именно съ утопическимъ, неяснымъ, неполнымъ и потому несостоятельнымъ

ученіемъ о естественномъ ходѣ вещей» («Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», стр. 38). Но уже дальше онъ совершенно неправильно полагаетъ, что эта война — пустой и напрасный трудъ; въ частности также неправильно полагаетъ онъ, будто русскіе социологи, «сначала приписавъ марксистамъ утопическій взглядъ на законосообразность общественныхъ явлений, а потомъ побивая этотъ взглядъ съ болѣе или менѣе сомнительнымъ успѣхомъ», къ тому же при этомъ просто несправедливо навязываютъ марксистамъ «свои собственные приемы мысли».

Справедливость прежде всего. Къ сожалѣнію, нельзя сомнѣваться, что многіе марксисты до сихъ поръ не сѣумѣли еще охватить въ полномъ объемѣ философскій смыслъ положенія о закономерности всего сущаго, очистивши его отъ всѣхъ побочных наслоеній и главнымъ образомъ отъ шелухи метафизическаго фатализма. Примѣръ этого мы уже видѣли на г. Струве. Причины такого печальнаго явленія довольно понятны. Дѣло въ томъ, что въ соотвѣтствующихъ пунктахъ терминологія самого Маркса не очищена отъ метафизическихъ наслоеній. Русскіе социологи, не стѣсняемые этой терминологіей, систематически разрабатывали вопросъ объ активномъ участіи личности въ историческомъ процессѣ и достигли въ этой работѣ немаловажныхъ результатовъ. А разрабатывать усиленно именно эту сторону социологической проблемы ихъ заставляла сама жизнь, изобиловавшая квіетизмомъ, инертностью и нравственной дряблостью. Критика окружающей дѣйствительности прежде всего и больше всего заставляла разоблачать фикцію мнимо-благотворной «работы времени» и «естественнаго хода вещей», требовать активного вмѣшательства въ жизнь лицъ, сознательно относящихся къ окружающему. И въ концѣ-концовъ марксизмъ, который долженъ былъ внести въ общественное сознаніе идею массоваго, коллективнаго социальнаго творчества, потопивъ въ немъ творчество индивидуальное, оказался на этомъ пунктѣ отставшимъ и выступилъ совсѣмъ въ малопригодномъ боевомъ одѣяніи, въ которомъ клочки метафизики причудливо смѣшивались съ прочною тканью трезваго историческаго реализма. Единственная причина этого страннаго явленія — простое полемическое увлеченіе, стремленіе во что бы то ни стало найти больше пунктовъ разногласія съ противниками — «субъективистами».

Но какъ бы мы ни сочувствовали основной демократической тенденціи марксизма, слѣдуетъ признать философскую неразработанность и необоснованность его, какъ цѣльной соціологической теоріи. Въ виду этого, крайне симпатична попытка нѣкоторыхъ представителей этого направленія пересмотрѣть свои основныя положенія при свѣтѣ философскаго критицизма. Сочувствуя самимъ этимъ попыткамъ, я однако считаю себя вправѣ быть вполне недовольнымъ тѣми результатами ихъ, которые мы пока имѣемъ. Существенной ошибкой многихъ марксистовъ я считаю ихъ стремленіе во что бы то ни стало противопоставить себя группѣ русскихъ «субъективныхъ» соціологовъ, вмѣсто того, чтобы примкнуть къ нѣкоторымъ ихъ идеямъ и развивать ихъ дальше. И я полагаю, что пересмотръ доктрины экономического матеріализма и ея реорганизация должны начаться съ отрѣшенія отъ всѣхъ малѣйшихъ признаковъ историческаго фатализма.

Я упомянулъ, что у Маркса встрѣчаются также мѣста, содержащія неправильное, нефилософское, «утопическое» опредѣленіе законмѣрности. Послѣ такого заявленія на мнѣ, разумѣется, лежитъ и *onus probandi*.

Постараюсь быть краткимъ. Въ чемъ, по мнѣнію марксистовъ, заключается неясность, метафизичность пониманія естественной законмѣрности у многихъ соціологовъ? «Заключается она,—говоритъ Бельтовъ,—въ противопоставленіи закона желанію измѣнить его дѣйствіе. Разъ явилось у человѣчества подобное желаніе, оно само составляетъ фактъ изъ исторіи его развитія, и законъ долженъ охватить этотъ фактъ, а не приходитъ съ нимъ въ столкновеніе. Пока мы допускаемъ возможность такого столкновенія, мы еще не уяснили себѣ самаго понятія о законѣ: или покинемъ точку зрѣнія законосообразности и станемъ на точку зрѣнія *желательнаго*, или совершенно упустимъ желанія людей данной эпохи изъ нашего поля зрѣнія и тѣмъ придадимъ «закону» какой-то мистическій отгѣнокъ, превратимъ его въ какой-то фатумъ» («Къ вопр. о разв.» etc., стр. 38). Этими словами г. Бельтовъ самъ произнесъ приговоръ надъ тѣмъ знаменитымъ мѣстомъ изъ Марксова «Капитала», которое является самымъ излюбленнымъ у марксистовъ метафизическаго пошиба, марксистовъ-доктринеровъ: «Еслибы общество и напало на слѣдъ естественнаго закона, который управляетъ его движеніемъ, то оно не мо-

жетъ ни перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни отдѣлаться отъ нихъ декретами». Анализируя это мѣсто, мы найдемъ здѣсь и «противопоставленіе закона желанію измѣнить его дѣйствіе», и порицаемое Льюисомъ и Рилемъ приписываніе «закону» какого-то первенства передъ фактами и господства надъ ними. Всякій философъ критической школы безповоротно осудилъ бы это мѣсто. У Ф. А. Ланге есть даже тирада, которая какъ будто специально подготовлена на этотъ случай. «Къ сожалѣнію,— читаемъ мы въ его «Исторіи матеріализма»,— мы привыкли разсматривать такъ-называемый законъ развитія философіи (читай—общества), какъ своеобразную, почти мистически дѣйствующую силу. Эта движущая сила народнаго развитія дѣйствуетъ подобно «жизненной силѣ» организмовъ.— Правда, она существуетъ,—но только какъ результатъ всѣхъ частныхъ естественныхъ силъ; ея предположеніе часто облегчаетъ разсматриванье; но оно скрываетъ незнаніе и ведетъ къ ошибкамъ, если ее ставить дополнительно, какъ основаніе объясненія, рядомъ съ тѣми элементами, съ совокупностью которыхъ она составляетъ одно и то же» («Ист. мат.», т. I, стр. 127).

Отъ себя лично я долженъ еще добавить, что и г. Бельтовъ, и самъ Марксъ въ приведенныхъ мѣстахъ впадаютъ въ нѣкоторое философское недоразумѣніе. Они говорятъ, въ сущности, вовсе не о «законѣ» развитія, а объ его схемѣ, объ его тенденціи, направленіи и общемъ планѣ. «Закономъ» они называютъ нечто иное какъ конкретное историческое предвидѣніе. Законъ въ истинно философскомъ значеніи этого слова, какъ извѣстно, есть нечто иное, какъ постоянное отношеніе между явленіями, по которому одно явленіе всякій разъ, какъ мы его наблюдаемъ, при извѣстныхъ условіяхъ или сопутствуетъ другому явленію, или предшествуетъ ему, или слѣдуетъ за нимъ. Что же касается общаго плана развитія, то воображать его предопредѣленнымъ какимъ бы то ни было специальнымъ закономъ—метафизично. Поэтому тысячу разъ правъ былъ Марксъ, когда послѣ соотвѣствующихъ замѣчаній Н. К. Михайловскаго онъ обратился къ послѣднему съ письмомъ, въ которомъ разъяснилъ породившую недоразумѣнія неясность, объявивъ, что «Капиталъ» содержитъ только очеркъ развитія капиталистическаго строя въ Европѣ, а вовсе не какую нибудь обязательную, фатальную схему развитія, которая съ силою закона проявлялась бы всюду на практикѣ и

такимъ образомъ обладала бы нѣкотораго рода супраисторическимъ бытіемъ. Этого мало. Въ гениальномъ трудѣ Маркса разбросаны, безусловно, зачатки телеологической теоріи прогресса, противъ которой враждебно настроены марксисты-доктринеры. Такъ, фабричное законодательство Марксъ называетъ въ одномъ мѣстѣ «Капитала» *«первымъ сознательнымъ и цѣлесообразнымъ воздѣйствіемъ общества на самопроизвольныя формы его процесса производства»* *), а, говоря о профессиональномъ и общемъ образованіи рабочихъ, вынуждаемомъ техническими условіями, онъ называетъ эти виды образованія для рабочихъ *«преобразовательными ферментами»*, становящимися въ противорѣчіе съ общимъ строемъ экономическихъ отношеній **).

Это еще не все. Марксъ оставилъ послѣ себя черновой набросокъ плана цѣлаго сочиненія о Фейербахѣ, — сочиненія, которое, еслибы оно было написано, было бы мостомъ между «экономическимъ матеріализмомъ» и телеологической или динамической, соціологіей. Въ этомъ сочиненіи Марксъ предполагалъ развить цѣлый рядъ мыслей объ активномъ, телеологическомъ воздѣйствіи личности на историческій процессъ. Для «субъективныхъ соціологовъ», вѣроятно, явится пріятной неожиданностью, что самый первый тезисъ предполагавшагося сочиненія содержитъ въ себѣ обвиненіе *«созерцательнаго матеріализма»* въ томъ, что онъ «разсматривалъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами міръ лишь въ формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно (sic)». Третій тезисъ того же плана гласитъ: «Матеріалистическое ученіе о томъ, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ и воспитанія, и что, слѣдовательно, измѣнившіеся люди являются продуктомъ измѣнившихся обстоятельствъ и другого воспитанія, — забываетъ, что обстоятельства измѣняются именно людьми...» Въ этомъ направленіи и слѣдуетъ развивать далѣе марксистамъ теорію Маркса.

III.

Непосредственно къ разобраннѣмъ ранѣе вопросамъ примыкаетъ далѣе вопросъ о *телеологическомъ прогрессѣ*. Г. Струве оспари-

*) Что не мѣшаетъ ему, съ другой стороны, разсматривать самое фабричное законодательство какъ продуктъ капиталистической эволюціи.

**) „Кап.“, т. I, 423 и 430.

ваетъ существенность разграниченія историческихъ процессовъ на генетическіе и телеологическіе, въ виду того, что и тѣ, и другіе одинаково подлежатъ «каузальному истолкованію». Телеологическая точка зрѣнія, по мнѣнію г. Струве, въ наукѣ недопустима; законное поле ея дѣйствія—не теорія, а практика, не объясненіе, а творчество.

Въ подтвержденіе своего взгляда г. Струве цитируетъ опять Рия: «цѣль — вовсе не принципъ объясненія какого бы то ни было событія во внѣшней природѣ, хотя бы это событіе было даже цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, т.-е. актомъ воли живого существа» («Теорія науки и метафизика» Рия, стр. 421, «Der philosophische Kritizismus» etc., 354).

Г-ну Струве, вѣроятно, очень долго пришлось перелистывать Рия, чтобы, наконецъ, найти это мѣсто, повидимому вполне совпадающее съ критическими замѣчаніями г. Струве на теорію телеологическаго прогресса. Я рѣшительно не могу себѣ представить, чтобы онъ при этомъ ни разу не наткнулся на цѣлый рядъ совершенно противоположныхъ по духу мѣстъ.

Сначала процитируемъ эти мѣста, а потомъ постараемся объяснить это кажущееся противорѣчіе въ трудѣ Рия.

Начиная со стр. 382, послѣдній довольно подробно развиваетъ слѣдующій рядъ мыслей. Вообще говоря, относительно причинности нѣтъ разницы между внутреннимъ и внѣшнимъ, между физической природой и психической. И тамъ, и здѣсь одинаково господствуетъ единообразіе проявленій основныхъ свойствъ при одинаковыхъ условіяхъ. И тамъ, и здѣсь наблюдается поэтому полная законмѣрность и стройность. Однако же, специально для каждой изъ двухъ областей физической и психической—понятіе законмѣрности можно специализировать, придавъ ему болѣе опредѣленный, конкретный характеръ. Въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ причинность, законмѣрность внѣшней природы будетъ фигурировать передъ нами, какъ механическая причинность. Это ближайшее опредѣленіе причинности въ физической природѣ со всѣми ея внѣшними процессами, однако, является неподходящимъ и неприменимымъ къ послѣдовательности внутреннихъ состояній. Преемственная смѣна одного состоянія другимъ хотя и сопровождается извѣстнымъ чувствомъ своеобразной, глубокой связи ихъ между собою, но эта связь носитъ совершенно особый, специфическій характеръ. Самыя душевныя состоянія настолько раз-

личны, что не могутъ быть сведены къ одному знаменателю. Правда, крайне разнообразны и физическія явленія; но благодаря ихъ общей и основной формѣ—протяженной, доступной измѣренію величинѣ—всѣ они сводятся на одно основное понятіе матеріи и движенія. Причинность внѣшнихъ явленій обладаетъ совершенно особымъ постоянствомъ—постоянствомъ энергіи или движенія (законъ неуничтожаемости силы). Это равенство, это постоянство есть отличительная черта механической причинности. Что касается до смѣны психическихъ состояній, то она не можетъ быть введена во что-либо подобное или даже аналогичное закону сохраненія энергіи. Лишь поскольку сопрягаются цѣлевые представленія, мы имѣемъ нѣчто подобное такому высшему равенству предыдущаго съ послѣдующимъ. Въ то время, какъ эволюція внѣшней природы при помощи механической теоріи превращается для насъ въ непрерывную причинную цѣпь,—чередa душевныхъ состояній никогда не обладаетъ этой непрерывностью. Это—цѣпь съ многочисленными провалами. Перекинуть мостикъ черезъ эти провалы можно единственно съ помощью логики. «Соотношенію причины и дѣйствія въ механической природѣ отвѣчаетъ соотношеніе основанія и слѣдствія—въ мышленіи».

Это равенство соотношеній, однако, вовсе не равносильно равенству самихъ относимыхъ другъ къ другу понятій. Причина и дѣйствіе въ механической природѣ вовсе не то же, что основаніе и слѣдствіе въ мышленіи; механическое совершеніе и мыслительный процессъ далеко не однородныя величины.

Причины механическихъ измѣненій — толчокъ, упругость, непроницаемость, сила, давленіе — совершенно незнакомы намъ со стороны своего существа. Въ чемъ состоитъ существо тяготѣнія? Какимъ образомъ одинъ предметъ производитъ давленіе на другой? Все это праздные вопросы, отвѣта на которыхъ пріискать нельзя. Тяготѣнія нельзя понять такъ, какъ любое психическое влеченіе. Механизмъ вещей не выражаетъ существа никакихъ естественныхъ дѣйствій; онъ представляетъ только *внѣшнюю форму* ихъ, одно ихъ *внѣшнее проявленіе*, доступное нашимъ чувствамъ. «Поэтому утвержденіе, будто само по себѣ все въ природѣ совершается механически, будетъ ложно, если придется разумѣть при этомъ настоящую сущность естественныхъ перемѣнъ» (Риль, *ibid.*, 384). Изъ этого однако не слѣдуетъ, что, кромѣ механическаго *изученія* міра, мы нуждаемся еще и въ *постиженіи* его,

какъ цѣлаго, какъ-нибудь антропоморфически. Такой антропоморфизмъ будетъ незаконнымъ. Гдѣ нѣтъ основаній допускать жизнь и сознание, тамъ нѣтъ никакого основанія предполагать и цѣль. Но зато каждому живому и сознающему себя существу собственное бытіе его должно казаться, или, лучше сказать, должно имъ чувствоваться, какъ цѣль всякаго бытія вообще. Всякая индивидуальность естественно ставить себя и все, что отождествляетъ съ собою (свою семью, свое племя, свою партію), въ центрѣ всего окружающаго міра. Кромѣ этой телеологіи, всякая другая телеологія должна быть изгнана изъ науки. Къ природѣ мы приступаемъ не съ вопросомъ «зачѣмъ?», а съ вопросомъ «почему?» По отношенію къ окружающей физической природѣ знаніе механической причинности есть полнота знанія, доступнаго человѣку. Правда, причины механической связи вещей между собою невѣдомы намъ по ихъ существу, для насъ ясна лишь внѣшняя форма этой связи, тогда какъ связь цѣли со средствомъ понятна для насъ абсолютно. Къ знанію въ послѣднемъ случаѣ присоединяется еще непосредственное *постиженіе*, непосредственная *понятность*, проистекающая отъ того, что связь цѣли со средствомъ близко знакома намъ по внутреннему опыту и даже составляетъ существеннѣйшую его часть. Въ самомъ дѣлѣ, мы вѣдь сознаемъ себя, какъ личность, какъ самостоятельное «я» именно въ своихъ дѣйствіяхъ.

«Человѣкъ прежде всего цѣлеставное существо въ природѣ.... Внутренними силами своего мышленія и своей воли онъ воздѣйствуетъ на внѣшній міръ, онъ заставляетъ вещи по законамъ, у нихъ же подмѣчаемымъ, идти путями, которые предназначаетъ его смыслъ. Человѣкъ не только продуктъ естественнаго процесса, но вмѣстѣ и самодѣятельная часть природы... Именно потому, что сама его дѣятельность принадлежитъ ко всеобщему естественному порядку природы, будущность вещей опредѣляется между прочимъ и его дѣйствіемъ» (Риль, стр. 417—418).

Если человѣкъ—самодѣятельная часть природы, если онъ—причина, а не одно лишь дѣйствіе, то вѣдь и «всякая другая вещь, всякій элементъ вещи—самодѣятельная часть реальности, надѣленная способностью производить дѣйствія».... (ibid.) «Не дадимъ механизму сбить насъ съ толку до того, чтобъ отвергнуть въ вещахъ этотъ моментъ самодѣятельности.... О безусловной самодѣятельности тутъ нечего, конечно, и думать; всякое дѣйствіе

только вѣдь взаимно (соотносительно). Но не могло бы быть ничего апіорического въ нашемъ духѣ, не было бы ни почина мысли, ни какого даже подобія самодѣятельности субъекта, не будь ничего дѣйственного въ самихъ вещахъ» (ibid.)

«Внутренняя самоподвижность того, что мы подмѣчаемъ, какъ матерію, качественная дѣйственность вещей, являющаяся внѣшнимъ чувствамъ въ формѣ движенія, возвысилась до степени чувства и ощущенія, этихъ элементовъ всякаго сознанія, съ которыми началась та лѣстница развитія, которая непрерывно идетъ до человѣка и приводитъ къ духовной его исторіи» (Риль, стр. 426).

«Въ духовной исторіи человѣчества цѣль непосредственно реальна, прямо осуществляется» (423). «И такъ какъ всякое произвольное дѣйствіе происходитъ изъ сознанія цѣли и изъ мотива, то изъ нихъ же оно и объясняется. Объясненіе дѣйствія только повторяетъ ходъ его производства; оно вполне покрываетъ его или совпадаетъ съ нимъ» (422). «Неправда, чтобы смыслъ удовлетворялся однимъ указаніемъ механической причинности. Въ этомъ утвержденіи обнаруживается только односторонность изслѣдованія, обращеннаго лишь только на внѣшнее, его стремленіе поставить себя на мѣсто всякаго познанія вообще. Познаніе цѣлей и побудительныхъ причинъ человѣческаго дѣйствованія удовлетворяетъ потребность нашего духа въ объясненіяхъ ничѣмъ не меньше преслѣдованія руководящей нити механической причинности» (Риль, стр. 424). «Математическо-механическому анализу, съ одной стороны, отвѣчаетъ, съ другой, телеологическое объясненіе. Гдѣ цѣль зиждательна, какъ въ царствѣ человѣка и его культуры, тамъ она и принципъ объясненія. Вовсе нѣтъ антропоморфизма въ томъ, чтобы выводить изъ человѣка и изъ мощи его самосознательной личности все, что вѣдь и идетъ изъ человѣка и изъ силы убѣжденія его» (424).

Мы изложили аргументацію Рили довольно подробно, дословно цитируя наиболѣе рельефныя мѣста. Полагаемъ, что теперь не остается никакого сомнѣнія относительно того, чье міросозерцаніе можетъ быть обосновано на взглядахъ Рили: міросозерцаніе ли г. Струве, или, наоборотъ, та самая теорія телеологическаго прогресса, противъ которой онъ борется?

Тѣмъ не менѣе приходится возвратиться къ тому мѣсту, которое цитируетъ для подкрѣпленія своихъ мыслей г. Струве. «Цѣль вовсе не принципъ объясненія какого бы то ни было событія со

внѣшней природѣ (курсивъ нашъ), хотя бы это событіе было даже само цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, т.-е. актомъ воли живого существа». Не противорѣчитъ ли это выше приведеннымъ цитатамъ?

Нисколько не противорѣчитъ, и вотъ почему. Просимъ читателя обратить вниманіе на отмѣченное нами курсивомъ мѣсто: «во внѣшней природѣ». Въ этихъ словахъ и заключается вся суть. Вспомните о нихъ, и вся видимость противорѣчія Рилья самому себѣ исчезнетъ.

Алоизъ Риль въ нѣсколькихъ мѣстахъ подчеркиваетъ чрезвычайно важное различіе между науками природы и науками духа. «Эта противопостановка наукъ природы и духа не вноситъ въ самую природу никакого дуализма; она должна ввести въ силу только дуализмъ *явленій и способовъ ихъ изслѣдованія*. Математико-механическому анализу, съ одной стороны, отвѣчаетъ, съ другой, телеологическое объясненіе» (424).

Математико-механическій принципъ, для естествознанія имѣющій право на исключительное господство, въ области духовной исторіи человѣчества долженъ дополняться телеологіей. «Такимъ образомъ остается непоколебимымъ положеніе, что *для объясненія внѣшнихъ процессовъ природы* существуетъ одинъ только принципъ — принципъ механической причинности... Цѣль вовсе не принципъ объясненія какому-нибудь событію *во внѣшней природѣ*, будь событіе это хоть даже само цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, т.-е. волевымъ актомъ живого существа» (421). Но «представимъ себѣ естествовѣдѣніе въ законченномъ, абсолютномъ совершенствѣ, обладающимъ стало-быть знаніемъ всѣхъ процессовъ движенія *въ природѣ*; оно и тогда не могло бы стать на мѣсто науки духовныхъ произведеній человѣка» (424).

Итакъ, какимъ же образомъ г. Струве «добылъ» себѣ подходящую цитату изъ Рилья? Да просто вырвалъ безъ всякой связи контекстомъ одну фразу, относящуюся къ методамъ естествознанія, распространилъ ее на всю область познанія и на этомъ успокоился. Но логика мститъ за себя жестоко, и несчастная мысль опереться на Рилья въ критикѣ теоріи динамическаго процесса даетъ результаты, весьма неудобные для нашего автора и подрывающіе въ корнѣ довѣріе къ нему.

Однако возвратимся къ Рилью. Не слѣдуетъ думать, что Риль считаетъ за *primum movens* соціальнаго движенія конкретныя *цѣли* дѣйствующихъ въ исторіи лицъ и группъ. Нѣтъ, онъ смотритъ

гораздо глубже. «Мы не только имѣемъ право, но и вынуждены искать *основаніе цѣли*; и должны при этихъ поискахъ обращаться къ естественнымъ свойствамъ того существа, которое ставитъ себѣ цѣли. Изъ природы даннаго существа вытекаетъ съ необходимостью, какія цѣли оно преслѣдуетъ и должно преслѣдовать. Еслибы мы могли достаточно далеко прослѣдить причины этихъ природныхъ свойствъ, то мы въ концѣ концовъ пришли бы къ тѣмъ элементамъ и общимъ законамъ реального міра, изъ комбинаціи которыхъ произошли воля и цѣли нашего существа». Но, разумѣется, эта послѣдняя задача выходитъ уже изъ области социологіи. Соціологъ беретъ за исходный пунктъ человѣческую природу со всѣми ея племенными, расовыми и этнографическими особенностями,—словомъ, въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ періода до-исторической борьбы за существованіе. Соціологъ принимаетъ ее за нѣчто данное, предоставляя вопросъ о ея генезисѣ антропологу и біологу. Другимъ такимъ же исходнымъ пунктомъ онъ беретъ естественную среду, съ ея географическими, климатическими, почвенными и иными условіями. Такъ какъ всякое развитіе въ мірѣ является результатомъ взаимодействія внутреннихъ и внѣшнихъ вліяній, то и область социологіи не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила.

Словомъ, и въ этомъ пунктѣ взгляды Рилля вполне совпадаютъ съ теоремами динамической социологіи. «Желаніе представляетъ собою настоящую силу природы и является основою динамической психологіи, которая занимается изученіемъ преобразованій, имѣвшихъ мѣсто вслѣдствіе дѣятельности человѣка и высшихъ животныхъ. Очевидно, что тотъ же самый фактъ являлся двигателемъ и въ социальныхъ преобразованіяхъ, откуда слѣдуетъ, что социальные силы являются по существу своему силами психическими. Вслѣдствіе этого, основанія для социологіи необходимо слѣдуетъ искать въ психологіи» *).

Еще въ началѣ статьи мы говорили, что конечными причинами, первоначальными факторами историческаго процесса могутъ быть признаны лишь такія явленія, генезисъ которыхъ лежитъ внѣ этого процесса, за его предѣлами. Идеи, конкретныя цѣли людей, ростъ производительныхъ силъ, развитіе формъ производства, всякая конкретная дѣятельность сами подлежатъ объяс-

*) Л. Уордъ, „Психическіе факторы цивилизаціи“, стр. 109.

ненію въ связи съ общими условіями историческаго развитія, и потому за его *primum movens* приняты быть не могутъ. Иное дѣло—основныя черты эмоціональной организаціи человѣка, отголоски его потребностей, закономерно дѣйствующія и возникающія чувства, которыя «освѣщаютъ у человѣка извнутри потокъ ощущеній и представленій» *). Не исторія ихъ создала, а они положили начало исторіи; ихъ происхожденіе кроется въ туманѣ выработки высшихъ организмовъ среди хаоса борьбы з существованіе; они «составляютъ условіе существованія пластическихъ организмовъ» **). «Чувства составляютъ истинное основаніе той части философіи, которая касается человѣческихъ интересовъ. Короче говоря, они являются фундаментомъ социальной науки. Чувство играетъ въ социологіи такую же роль, какъ функція въ біологіи» ***).

Еслибы г. Струве дѣйствительно проникся духомъ критической философіи, то онъ сѣумѣлъ бы перекинуть мостъ отъ социологической теоріи Маркса черезъ Рилия къ динамической социологіи Уорда, а тѣмъ самымъ къ теоріи русской «этико-социологической» школы. Но въ томъ-то и дѣло, что г. Струве смотритъ на критическую философію просто какъ, на арсеналъ философскихъ идей, изъ котораго при нѣкоторомъ стараніи всегда удастся кое-что выудить для того, чтобы обставить полемику съ «субъективными социологами» извѣстнымъ аппаратомъ учености.

Все это съ рельефностью сказалось и въ вопросѣ о роли въ исторіи идей, и въ вопросѣ о личномъ началѣ, и въ вопросѣ о телеологическомъ прогрессѣ. То же мы увидимъ далѣе и въ вопросѣ о телеологической точкѣ зрѣнія въ социологіи (*aliis verbis*—о субъективномъ методѣ или субъективной точкѣ зрѣнія).

Г. Струве ставитъ Уорду въ упрекъ, что онъ «*навязываетъ* социологіи практической характеръ и субъективизмъ». Для самого нашего автора, напротивъ, точно размежевана область теоретическаго пониманія отъ области практической оцѣнки. Первое принадлежитъ социологіи, какъ наукѣ, и носитъ характеръ объективности, общеобязательности; вторая, напротивъ, чисто субъективна и не обязательна ни для кого. Такъ, наприм.,

*) Геффдингъ: „Очерки психологіи“.

**) Л. Уордъ: „Псих. факт. цив.“, стр. 30.

***) Онъ же „*Dynamic Sociology*“, II, 123.

чаломъ этого изученія, высшимъ критеріемъ выбора, группировки и комбинирования матеріала является антропоцентрическая точка зрѣнія—вопросъ объ условіяхъ «удовлетворительности» человѣческаго сознанія».

Однако и самъ г. Струве, повидимому, не удержался на своей основной точкѣ зрѣнія. Самый идеалъ,—какъ выражается онъ довольно, впрочемъ, неопредѣленно, въ своей послѣдней статьѣ,—необходимо «нуждается въ научной санкціи». Отказываясь понимать, что можетъ значить подобное выраженіе, кромѣ объективнаго обоснованія цѣлесообразности идеала, удовлетворительности его съ точки зрѣнія человѣческихъ потребностей. Одно изъ двухъ. Или «объективное долженствованіе» есть несообразность—и тогда никакая научная санкція идеала невозможна; а возможно лишь научное рѣшеніе вопроса, насколько онъ практически удобоисполнимъ (хотя и въ этомъ послѣднемъ случаѣ трудно обойти вопросъ о соотвѣтствіи идеала человѣческимъ потребностямъ); выборъ же идеала есть дѣло безусловнаго, ничѣмъ не ограниченаго, никакой общечеловѣческой логикѣ не подвластнаго произвола; всякій баронъ имѣетъ право на свою фантазію, и кончено дѣло. Или нужна и возможна научная санкція идеала, но тогда возможны вообще нормативная социологія и нормативная этика, построенныя вполне научнымъ путемъ.

Г. Струве думаетъ, что наука и этика чужды другъ другу; онъ цитируетъ слова Зомбарта, что въ исповѣдуемомъ имъ марксизмѣ «нѣтъ ни одного грана этики» *). Полагаю, что ни наука, ни этика этимъ не возвышаются, а, наоборотъ, унижаются. Мнѣ симпатичнѣе и ближе горячее восклицаніе Лассаля: «что же такое наука, если она не даетъ уму необходимаго этическаго направленія? И что же такое нравственность, если она не результируетъ истиннаго знанія?».

Пора кончить. Боюсь, что я и безъ того слишкомъ много наговорилъ въ защиту такихъ очевидныхъ вещей, какъ активная роль человѣческой личности въ процессѣ исторіи, значеніе идей и руководящихъ цѣлей ея дѣятельности, возможность общече-

Зомбартъ идетъ еще дальше, до *pes plus ultra*, отмѣчая, какъ одно изъ обвинствъ марксизма, его какой-то антиэтический характеръ. Даже для Струве это чересчуръ.

Труд 02 кон (1986)

1454

ловѣческой морали. Недаромъ сказалъ еще Юмъ, что «послѣ отрицанія очевидной истины величайшая нелѣпость — черезчуръ стараться защитить ее».

Подводя итоги своей работѣ, полагаю, что изъ нея достаточно ясна не только неудовлетворительность попытки г. Струве обосновать экономическій матеріализмъ на критической философіи, но и крайняя тенденціозность этой попытки, тенденціозность въ худшемъ смыслѣ слова. Чтобы выдать Рия за своего философскаго единомышленника, г. Струве долженъ былъ вылавливать изъ его книги отдѣльныя фразы, давать имъ самое широкое перетолкованіе, лишать ихъ живой связи съ общимъ текстомъ, слишкомъ неопредѣленно переводить отдѣльныя мѣста, игнорировать цѣлыя сотни фразъ и страницъ, идущихъ въ разрѣзъ съ его утвержденіями, замалчивая такое разногласіе. И все это для того, чтобъ объявить свой трудъ «въ значительной степени опирающимся на Рия» («Крит. зам.», стр. 34). Не думаемъ, чтобы даже самъ г. Струве въ результатѣ этой работы могъ почувствовать хотя нѣкоторое нравственное удовлетвореніе. Вѣроятно, этимъ и объясняется тотъ фактъ, что въ статьѣ «Свобода и историческая необходимость» внезапно оказывается у Рия *«метафизическій реализмъ, хотя и критически обоснованный (sic)»*.

Г. Струве замѣчаетъ: «читатель, знакомый съ моими «Критич. замѣтками», замѣтитъ въ предлагаемой статьѣ (въ «Вопр. фил. и псих.») уклоненія отъ высказанныхъ въ моей книгѣ взглядовъ. Но мнѣ кажется, что я подвинулся только дальше въ томъ направленіи, въ которомъ написана моя книжка». Совершенно вѣрно. Совѣтуемъ г. Струве пойти еще дальше и разорвать всякую связь съ теоріей Рия, — связь и безъ того совершенно мнимую.

В. Черновъ.

Львѣв. Бібліотека
АН. УРСР

33. 230

Львѣвська державна
наукова бібліотека

1454